

А. Н. Хомченко

Этнограф Иосиф

А. Н. Хомченко

Этнограф Иосиф

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Хомченко А.

Этнограф Иосиф / А. Хомченко — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

У кого-то жизнь расписана по минутам, на неделю вперёд тщательно спланированы мероприятия: понедельник – отделить свет от тьмы, вторник - ... Всё не так у литератора Курицына: непредсказуем его путь; два слова – «суета» и «пустословие» – исчерпывающе описывают будни юноши. Но не приговор современному обществу собирался писать Курицын. Напротив - книжку для развлечения. Фантастику! Про то, как этнограф Иосиф прибывает из далёкого будущего в наши суматошные времена; потомкам, видите ли, любопытно, чем мы тут занимаемся.- Ага, вот значит что, - наверное, подумали вы. – Снова прогрессоры и хрононавты. Опять будут кормить шаблонами, пичкать истёртыми истинами, нотациями утомлять... - так нет, без морализаторства обошёлся автор. Придётся вам всё же прочесть эту книжку, чтобы окунуться в неповторимую атмосферу приморского городка. Чтобы от чтения получить удовольствие. Чтобы в кругу друзей, сидя за чашкой чая, иметь возможность сказать:- А вы читали роман об этнографе? Это феноменально...

© Хомченко А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Этнограф Иосиф	7
Глава 3	9
Происхождение Иосифа	10
Глава 4	11
Глава 5	12
Город, в котором живёт Иосиф	15
Глава 6	17
Подробный рассказ Носова	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

А. Н. Хомченко

ЭТНОГРАФ ИОСИФ

Глава 1

Литератор Курицын завтракал овсяной кашей.

Мнилось ему:

на сайте Самиздат при библиотеке Мошкова выкладывает он рассказ в раздел фантастики и мигом взбурлил интернет: за час десять тысяч просмотров. Восхищённые комментарии, рейтинг оценок зашкаливает. На улицах ажиотаж, в гости к критикам заявляется восторженный бородач, крутит им пуговицы на пикейных жилетах, сообщает, ликуя: «Новый Гоголь явился!».

– Гм, – думает Курицын. – Так, так, так...

Ускоряется ход событий.

В постах брызжут слюной блогеры: внезапно, уютненько, подавился мацой, – сошлись во мнениях акулы клавиатуры, и вмиг прозрели на телевидении:

– Мне нужен репортаж об авторе, – орёт возбуждённый продюсер, децибелами подавая рвения подчинённым. – Все, все туда.

По студиям федеральных каналов бродит растерянный биржевой аналитик, – кому рассказать, что цены на нефть сохраняют волатильность? – некому, никого не волнует чёрное золото, есть новости грандиозней,

и дамы на шпильках с микрофонами наперевес мчат легконогие, будто газели, за ними поджарые операторы скачут вприпрыжку, – будет, будет эфир подобен разорвавшейся бомбе, сенсацию обещает прайм-тайм.

– Гм, – заинтригован Курицын. – Интересненькое дело...

Вот и группа рабочих в оранжевых касках приколачивает к его дому табличку, на табличке надпись, не оставляющая сомнений:

«Здесь жил талантливый литератор»...

– Гм, – смекает Курицын. – Да ведь этого мне и нужно.

Надо заметить: Курицын жаждал славы.

Известности широчайшей настоятельно требовала душа его, чтобы не в узком кругу быть популярной персоной, а везде и повсюду:

в ресторан ли зашёл – там медные трубы ласкают слух и машут руками ему из-за каждого столика посетители, выпей с нами вина, товарищ;

в трамвае ли неожиданно очутился с okazjiей – и тут вызвал всеобщее оживление;

о вечернем променаде и не говори, шагу не ступишь – юные девушки просят сфотографироваться на его фоне и делают себе селфи, и выкладывают в Instagram...

– словом,

знаменитым мечтал быть Курицын.

Неоднократно, в кипящий бульон добавляя лаврушечки, видел себя, увенчанным лавром, – верил: наступит время...

Вдруг чувствует он: наступило.

Что-то подсказывает ему: Пора.

9-02 – засёк для истории Курицын, отметил в анналах факт и шагнул уверенно в вечность.

Вернее, сейчас шагнёт, через минуточку, вот только доест кашу.

Глава 2

Раньше писали в стол, теперь пишут в сеть, никто не хочет жечь рукописи.

– А зря, – думает Курицын, сочинения современников причиняют ему страдания.

Сам он творит по старинке: черкнул пару строчек и скорей на кухню, за спичками, горят листы ясным пламенем, хорошо.

Одна беда: литературный материал не накапливается.

К двадцати семи годам имел он в своём портфолио на десяток страниц роман (неоконченный) и рассказ «Этнограф Иосиф», – единственный уцелевший в кошмарах аутодафе.

Не единожды Курицын покушался на Иосифа, выхватывал из стола и комкал бумагу, и подносил к огню с бесстрастным лицом...

Но что-то в последний миг отводило руку, всякий раз спасался Иосиф, – видно, сама судьба хранила его для некой миссии – смягчался скорый на расправу литератор, заботливо расправлял бумажечку и клал обратно: авось, пригодится.

Рассказ Курицыну нравился.

И не только ему:

внушительное число профессионалов из самых авторитетных книжных издательств, ознакомившись с текстом, надлежаще его оценивали, и отказывали в публикации с самыми добрыми пожеланиями:

– Желаем вам успехов в поисках издателя, – писали они Курицыну и окрыляли юношу эти послания:

– Мир не без добрых людей, – думал он и, вчитываясь в скупые строки эпистолы, млел от слова «успех», и декламировал его с выражением, и говорил сам себе с нескрываемым уважением:

– Успех моё второе имя... – под ним и зарегистрировался на Самиздате: Успех Успехов.

Создав страничку на сайте, Курицын подвигал туда-сюда ящички письменного стола, в одном из них обнаружил Иосифа, придал ему электронный вид и отправил – к вящей славе своей – в тенета.

Этнограф Иосиф

– Высоченные горы, шапками ледников упиравшиеся в небеса, из-за них мы не видели солнца; ни травинки, ни кустика, – голые камни вершин и эхо бездонных ущелий – вот, что представляла собой наша земля до революции, – выкрикивал со сцены докладчик, мужчина в защитном френче,

и убеждённые сединами старцы в высоких бараньих папах согласно кивали головами:

– Да, да, правильно говоришь, товарищ, было эхо в горах, а трав и кустиков не было.

Вдохновлённый поддержкой публики оратор продолжил, и я – безусый студент-этнограф, путешествующий в дебрях истории, —

– недавней, но совершенно неведомой нам истории, —

я весь обратился в слух.

...весь – за исключением правой руки —

она строчила в блокнот услышанное, не доверяя ценнейшие сведения новомодным штучкам, плотно напиچканным в спичечный коробок iPhone...

– Иссиня-чёрные тучи, беременные грозами, натыкались на склоны гор и проливались дождём, мощными селевыми потоками сбегали по кручам вниз, сметая всё на своём пути, —

лектор возвысил глас, загремев громами, будто античный трагик:

– Под толстыми слоями грязи они погребали пучки курчавой петрушки, посаженной вашими трудолюбивыми руками, в жидкой грязи хоронили вашу надежду на безбедную старость.

И вновь кивали старейшины безутешными головами – да, да, товарищ, было: накрылась петрушка грязью, а с ней и безбедная старость.

...говорил мне научный руководитель: Куда ты собрался, Иосиф? Что может быть любопытного в здешних краях для этнографа? – во веки веков от сотворения мира: лишь голые камни и пропасти.

Не знаю, мне интересно...

– Но если кирками разбить скалы, – глаза у мужчины во френче вспыхнули прожекторами, – и засыпать обломками скал расселины, образуются огромные площади, обогреваемые щедрыми лучами солнца,

– необозримые бескрайние пространства, —

покрытые плодородной почвой... ведь, если сгрести весь ил, нет почвы великолепней.

Арбузы размером в обхват человеческих рук, пышные виноградники, апельсиновые рощи и персиковые сады... и если будет мало воды, мы вспять повернём реки Сибири,

и, если не хватит солнца, тысячи велосипедистов станут крутить педали, вырабатывая электричество, будут ездить по специальным дорожкам, держа в руках осветительные приборы...

Три урожая в год! – всё возможно в стране победившего коммунизма – Под звуки радостных песен три урожая в год будут снимать наши девушки, заполняя грузовики тысячами тонн экзотических фруктов...

– Позвольте, – не выдержал я, прервав блистательного болтуна. – То, что вы говорите, немыслимо. Это практически невозможно.

Мужчина в защитном френче широко улыбнулся:

– Просто вы живёте в эпоху безверия, наш дорогой гость из будущего.

Он подозвал меня к окну:

– Смотрите сами.

Я подошёл и глянул:

До горизонтов – покуда хватало глаз – на необъятных просторах наливались соками гроздья отменного винограда, тысячи велосипедистов крутили педали, светом искусственных солнц освещая бока исполинских арбузов,

ярко-рыжее солнце сияло в безоблачных небесах, и всплескивали хвостами муксуны и омули в водах каналов, и шары апельсинов в грузовиках, и нежные девичьи руки, – вот, что увидел я и услышал:

хриплое дыхание велосипедистов, радостные песни девушек, срывавших с ветвей персики, их звонкий рассыпчатый смех, —

и подумал:

Всё возможно... всё возможно в наших горах.

...но однажды надо взять кирку.

Глава 3

– Сделал дело, гуляй смело, – подумал Курицын и решил отправиться погулять. Только собрался – вдруг раз —

внезапно приходит письмо на электронную почту:

– Пишет вам Борис Крюгер, я редактор канадского издательства (набор букв латиницей), мы в восторге, это потрясающе, это феноменально, ничего подобного мы не читали, за всю историю человечества не сыщется произведения, равного вашему, шлите ещё, мы хотим издать книжку ваших шедевров.

Заканчивалось письмо обещанием заплатить десять процентов.

Десять процентов! – сверкнуло в голове литератора.

Ох-хо-хо, – заглодело в сердце.

Не мешкая, он создал пятнадцать копий рассказа и послал их за океан.

Мигом, – почти мгновенно – отозвался Борис, откликнулся:

– Читал, читал и перечитывал, пятнадцать раз перечитывал текст, так и не понял: откуда Иосиф взялся? каково его происхождение?

– Гм, – озадачился Курицын. – И впрямь, недосмотр. Вопиющий пробел в изложении материала. Положение вещей необходимо срочно исправить.

И срочно исправил.

Происхождение Иосифа

«Откуда есть пошла земля Русская» подробно описано в Повести временных лет.

И хотя меня гораздо больше занимает вопрос «Куда она пойдёт есть завтра?», как литератор со стажем, не могу не признать: важны вопросы происхождения, – и мы не вправе их игнорировать.

Взявшись рассказывать об Иосифе, следовало бы упомянуть: родом он из хорошей и крепкой семьи: папа – плотник, мама – белошвейка.

...то бишь происхождение его самое, что ни на есть, сомнительное.

Ну, откуда – скажите – на излёте двадцать третьего века взялся в городе плотник: все деревья наперечёт и к тому же внесены в Красную книгу, – на трёх страницах брошюры.

Да и профессия белошвейки – если вдуматься – после запрета Думой кружевных тросов вызывает обоснованные подозрения.

В былые времена за такие корни натерпелся б Иосиф – а нынче что ж: демократия... машет топором папа, из полена добывает сына,

– тюк, тюк, —

Вот и Иосиф.

Не в том смысле, что дуб дубом.

Или носом вылитый Буратино, – нет.

Скорее безунынным нравом похож Иосиф на упомянутого сказочного героя.

Простодушием.

И неуёмным – не знающим устали – любопытством.

Сунуть нос в нарисованный очаг, обнаружить там дверь, за нею театр, – в этом весь он, Иосиф.

...конечно же, автор помнит: весь мир – театр, но не в каждом театре дают столь безалаберные и жизнерадостные постановки...

Однажды – три года назад – маменька сшила Иосифу курточку, а папа вручил золотой на учебники, и отправился наш герой в школу.

В высшую школу: учиться на исторического этнографа,

– чтобы ездить в командировки, глядеть, как жили народы в минувшие времена, —

иногда – не без этого – грызть три корочки хлеба в весёлой компании кота и лисы, —

словом, гаудеамус.

Хороший студент получился из Иосифа, – только похож он больше не на исторического этнографа, а на этнографического историка: вечно попадает в какие-то истории.

Глава 4

– Уж, не с себя ли написал я портрет? – обеспокоился Курицын, ведь и сам он частенько, что называется, вляпывался и местная пресса имела все основания пестреть заголовками: Курицын то, Курицын сё... хотя, следует признать, и манкировала возможностью... так что повод задаться вопросом у литератора определённо был.

– Да нет же, – поразмыслив, беспочвенными счёл свои опасения молодой человек. – Иосиф студент, а мои золотые денёчки давно позади.

– Просто похож, – пришёл к выводу.

Отлегло от души: не хватало ему ещё одного биографического романа, – с надрывом, с неразделённой любовью, с судьбой, с разговорами.

Курицын глянул в окно.

За окном чирикали воробьи и ясно светило солнышко. Неистовствовал на задворках черёмуховый май, будто публика на театральной галёрке, а на сцене стояла, скажем, Варенька в пачке: поза её изящна, шаг лёгок, ноги в прыжке прочерчивают параболу... об этом бы напечатать в вечёрке: на первой полосе репортаж, фотография на развороте, – убойный получился бы номер, разлетелся бы нарасхват.

Но нет, игнорирует пресса Вареньку.

О Курицыне не поминает.

За что и расплачивается мизерными тиражами, нищенски прозябая...

Курицын ведёт колонку в муниципальной газете, обозревает новинки культуры: кино, телевидение, то, что сейчас именуется литературой.

Как май, неистовствует он на задворках, – на первой полосе ругают чиновников. Не оставляя камня на камне, расправляются с бюрократией. С гневом обрушиваются на коррупцию. Фамилии предусмотрительно не называются, – аккуратно пускает персональные стрелы местная пресса, подбирая мишени, по возможности, безобидные. К примеру, начальники ЖЭКов. Кого как не коммунальщиков отчихвостить? За потёкшие кровли и дырявые трубы, за песочком не посыпанные тротуары, за надпись масляной краской «Зинка-дура», появившуюся в нашем парадном, как говорят, в год запуска первого спутника в космос.

Какая Зинка? Почему дура? – вопросы, вопросы...

– В Летний сад пойду, – решил Курицын.

Глава 5

Писатель Носов сидит на скамеечке и в бинокль наблюдает за Афродитой, перси свои обнажившую, приспустив беломраморные одеяния.

– Здравствуйте, Сергей Анатольевич, – приветствует писателя Курицын.

– Здравствуйте, Евгений. Присаживайтесь.

Устроился рядышком Курицын. О погоде бы поговорить: вежливый человек никогда не упустит случая сообщить свои фенологические наблюдения.

– Тепло.

– Да, май замечательный.

Курицын и Носов приятели: один худ, другой с бородой – это не мешает их дружбе.

– Чем занимаетесь, Сергей Анатольевич?

– Да вот, – писатель показывает на богиню биноклем. – Тайную жизнь памятника изучаю.

С изумлением глянул на культуртрегера и эрудита Курицын.

– Вам ли не знать, что в честь персон и событий водружаются памятники? А данное изваяние проходит по части скульптуры, предназначенной, как известно, для украшения города, служащей его аляповатой эстетике.

– В какой-то мере вы правы, мой друг. Действительно, до определённого момента обсуждаемая нами статуя являлась лишь элементом декора, составляя интерьер спальни Фрины, знаменитой афинской гетеры. Но всё изменилось в тот день, когда некий Поллид, будучи подшофе, нанёс визит упомянутой даме, а, впрочем, рассказ проигрывает без подробностей, начну заново.

Меланхолия одолевала Фрину. Взяла она в руки арфу, села на пуфик, музицирует.

Некий Поллид, изрядно набравшись вина, мимо без цели прогуливался. Слышит он эти звуки, – и вмиг фантазия рисует ему заманчивую картинку: томлящаяся одиночеством женщина перебирает пальцами струны, губы у неё пунцовы, запястья тонки, плечи округлы...

Горя нетерпением, Поллид врывается в дом и видит: блекнут мечты перед явью.

О, Фрина! она прелестна.

Она само совершенство.

– Несравненная! – воцеловали её цари и швыряли к ногам злато.

– Восхитительная! – шалели творцы и, мятясь, осыпали гексаметрами.

Планида её фурур: там, где она появлялась, тотчас составляется хор, – полководцы, философы, государственные мужи, – и скачут на задних лапках, и поют в упоении дифирамбы.

С неё ваял Афродиту Пракситель.

Не кощунство ли образ гетеры придать богине?

Нет! – присмотревшись к натурщице, постановил ареопаг, – Божественное тело.

Легендарная женщина. Ослепительная её красота стала мифом о Медузе Горгоне, столбенели мужчины при виде данной особы, в мгновение ока превращались в каменные истуканы.

Поллид – не исключение, истинный сын Эллады, глянул он на арфистку и тотчас застыл на пороге.

Намётанным взглядом отметила Фрина: не шибко наделён гость умишком, повадками нагл, статью и жёстким курчавым волосом являет собой эталонный образец мужества. Атлет! Брюнет! Нахал!

– Не тот ли это виртуоз, – думает она, – о ком с придыханием шепчутся между собой афинянки? Говорят, он посол из Спарты и прозвище у него Жеребец.

– Да это я, – подтверждает Поллид. – Знаменитый прытью спартаец. Имя моё у всех на устах, что не случайно: щедро одарён я природой. И многие афинянки, весьма искушённые

в интимных вопросах, говорили мне в минуты близости: О! О! О! – а больше и вымолвить ничего не могли до того я хорош в постели.

– Так вы бонвиван и ходок по бабам?

– Отнюдь, я карьерный дипломат, следую с миссией на Сицилию. Здесь я проездом, трачу время с портовыми шлюхами и дрянным вином упиваюсь в ожидании попутного ветра.

– Но небо пылает закатом, к завтрашнему утру переменится ветер.

– Значит, завтра меня здесь не будет: как ни крути, последняя ночь в этом городе.

– Ах, как славно, что впереди у нас целая ночь. Клянусь, эту ночь ты запомнишь...

...это было незабываемо, – признался Поллид, с первым лучом рассветного солнца натягивая сандалии. – В память о вас, Фрина, я хотел бы иметь какой-нибудь милый сувенир: прядь волос или, скажем, пользованную пудреницу. Да хоть бы вот эту безделку, – хватать под мышку изваяние Афродиты и бегом на корабль.

– Эгей-го, – воскликнули греки и разом налегли на вёсла.

– Эгей-го, – ещё раз воскликнули греки, и скрылся полис из виду, истаял за кормой. Лишь воды по окоём, да парус полнится ветром, да чайки орут, да гладь вокруг расстилается, необозримая морская гладь.

Частенько Поллид сживал на палубе с чашей вина. И с печалью глядел на статую, и шептал:

– Великолепная, очаровательная, неподражаемая.

И нежно улыбалась ему беломраморная богиня: случайный памятник неизгладимой вовек любви.

Носов умолк, и литератор тоже молчал, впечатлённый рассказом. В тишине чирикали воробьи, звенели трамваи, рычали автомобили, скрипел, шелестел, гремел, скрежетал город, и издавал ещё какие-то звуки, по большей части неопишуемые, – в тишине сидели приятели. Наконец, Курицын произнёс:

– Прекрасная история, Сергей Анатольевич. В самый раз для авторской моей колонки, мне как раз на днях материал сдавать.

Из-под сердца, из внутреннего кармана, литератор Курицын извлёк записную книжечку:

– Что же дальше?

– Хотите знать, имеет ли история продолжение?

– Не только я, но и все, к кому стечением обстоятельств попадает в руки местная пресса, мы просим вас, умоляем: рассказывайте до конца.

– Что ж, извольте. Прибыл посол в пункт назначения, и навалились на дипломата дела: рауты в термах, в лупанарии дружественные визиты... Вы же, Евгений, знаете, какие на юге водятся горячие штучки?

– Ещё бы мне не знать... чисто бестии.

– Так вот, темпераментные итальянки окружили Поллида самым деятельным вниманием, и выветрилась из его головы Фрина, улетучилась. Какое-то время статуя Афродиты ещё послужила спартанцу неким смутным воспоминанием, впрочем, недолго: вскоре он проиграл её в карты Дионисию Старшему, тирану из Сиракуз.

– Ну, нет, – решительно возразил Курицын. – Читатели муниципальной газеты не согласны с таким экстравагантным финалом. Где торжество добра? Где любовь, преодолевающая все преграды? К тому же, тема нашей заметки: метаморфоза скульптуры в памятник, а вовсе не наоборот.

Хмыкнул Носов:

– Пафос этого спича я связываю с вашей, мой друг, близорукостью. Две с половиной диоптрии не позволили вам увидеть главное. Меж тем при рассмотрении Афродиты в бинокль на пьедестале мной обнаружена надпись «Не забуду Раю и Клавдию», нацарапанную, по-види-

мому, гвоздём. Это ли не свидетельство: всё пройдёт, всё суета и тлен, лишь любовь будет жить в наших сердцах вечно...

Возликовал Курицын:

– Перекличка эпох и памятник светлому чувству, то, что надо, я спасён, гонорар пополам. Но остались невыясненными некоторые детали. Как Афродита оказалась в Летнем саду? И как Летний сад очутился здесь, если живём мы не в Петербурге?

Писатель Носов, не затруднившись, мгновенно выдвинул версию.

За ним записал всё в блокнотик старательно Курицын.

– Отлично, – думает литератор. – Вот и притча с локацией. Придумаю заголовок, представлю некоторые слова, и будет у меня рассказ о городе, в котором живёт Иосиф.

Тем временем вечерело.

На востоке лежала варварская мгла, солнце валилось с ног, горели к западу горизонты:

– Пора по домам, – поняли вдруг друзья, сердечно простились Носов и Курицын, и разошлись.

Вскоре к пенатам родным литератор вернулся, отужинал супчиком с фрикадельками, выпил две чашки чаю, немножко переделал текст из записной книжечки, и к вящей славе Успеха Успехова литература преумножилась ещё одним опусом.

Город, в котором живёт Иосиф

Есть город, в котором стреляли в Ленина.

Щёлк, щёлк, щёлк, сухо щёлкнули выстрелы и, будто куль с мукой, он повалился на землю.

Волновались рабочие завода Михельсона: «Жив ли Ильич?».

Поспешим успокоить товарищей:

– Жив!

Жив Ильич, и поныне он здоровствует, как говорится, живее живых: первая пуля попала ему в шею под челюсть, вторая зацепила руку, третья и вовсе угодила в постороннюю женщину, – она подошла к председателю совнаркома с жалобой, что на железнодорожных вокзалах конфискуют хлеб...

Вот где проблема, товарищи, а покушение что? – пустяк, мелкий эпизод в истории города.

Города, в котором без счёта рубили стрельцам головы.

Словом и делом сажали на кол, травили медведями, ломали суставы дыбою, – так повелось в этом городе, таков обычай.

Привыкли людишки, и молчали людишки, не смели вякнуть лишнего слова, – жили холопами, уткнувшись мордой в грязь. Только калики перехожие крыли всех матами во славу Господа нашего, делая, впрочем, и исключения: для царя-батюшки, для царицы-заступницы, – а остальных всех.

Бывало, прозревал народ: бояре во всём виноваты!

И тогда бунтовала чернь, и рыскала с засапожными ножиками по богатым подворьям, и на каждом фонарном столбе висела туша лабазника, – в такие дни сам государь остерегался прогулок по городу...

А вы говорите Ленин...

– незначительный эпизод на фоне великой эпохи —

Стихи, подходящие к случаю:

Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось...

Продолжим, – и снова проза:

Есть звуки, в которых для русского сердца слилось не намного меньше.

Скажем, Козельск.

А вот событий тут всего ничего, из достойных внимания лишь стекло, разбитое в прошлом году метким выстрелом из рогатки.

Так и вижу мемориальную табличку, привинченную к стене: «В этом здании в таком-то году выбито стекло из рогатки»... – ну как я могу поселить здесь героя?

Однако же и не в Москве...

Выйду в чистое поле...

– каждый город, чтоб вы знали, когда-то начинался с чистого поля —

...в окружении землемеров и архитекторов,

а также прессы и казнокрадов-сподвижников, забью символический колышек, взмахну величественно рукой:

– Здесь у нас будет Невская перспектива.

– А здесь, в Летнем саду, поставим на постаменты древнегреческие статуэтки, эстетически безупречных женщин, желательно с обнажённой грудью, – словом, богинь.

– Тут построим гостиницу. С ресторацией и номерами. У входа пускай присутствуют дамы, имеющие славу доступных. Но чтобы не дорого, смотри у меня, – пальцем грожу губернатору.

Тот лишь ухмыляется, прохиндей:

– Как град назовём, господин писатель? Может, Санкт-Андреасбург?

– Отлично придумано, – похвалил. – Жаль, что имя громоздкое, после пятого тоста не выразишь.

– Как же тогда?

– Нью-Питер.

Эгей-го, тащите шампанское вёдрами, обмоем наречение града.

И порадуемся искренне за Иосифа, – в третьей столице Нью-Питере ему посчастливилось жить.

...жизнь в третьей столице текла заведенным порядком вещей: лето следовало за весной, осень сменялась зимой, то есть всё шло своим чередом, и не было такого, чтобы вдруг вспыхивал май цветением среди января и вьюги не пели своих песен в июле.

Населяли мегаполис добрые, красивые, отзывчивые люди, никто из них не стрелял из рогаток по стёклам, ни один Ленин здесь не был убит.

Словом, хороший город, – не чета Москве и Козельску.

Глава 6

Жизнь в третьей столице шла заведенным чередом: в Летнем саду вечерело.

На востоке лежала варварская мгла, солнце валилось с ног, горели к западу горизонты.

– Пора по домам, – поняли вдруг сидевшие на скамеечке Носов и Курицын, сердечно простились друзья и разошлись.

По Гоголевскому бульвару текла толпа, будто где-то открыли шаровый кран, а из водопроводных труб полилась не хлорированная в соответствии с санитарными нормами жидкость, а хлынул людской поток: шляпки, кашкеты, банданы, бейсболки, – это если смотреть по верхам. Сарафаны, блузы, футболки с портретами Че Гевары, – если глядеть чуть ниже. И, наконец, джинсы и шорты – зрелище для мужчины не интересное, – и юбки по моде этого лета, в обилие обтягивающие ягодички, – туда и пялились все, туда и пялился Носов. И таки да, там было на что поглазеть: Рая и Клавдия вершили впечатляющий променад.

Взгляды всех игнорировали красавицы, но пламенные взоры писателя не оставили без внимания, – обернулись и воскликнули радостно:

– Ба, кого мы видим!

Видели они неистощимого выдумщика и фантазёра, искромётного шутника, милейшего человека, старинного своего приятеля Носова.

– Откуда идёте, дамы? – спросил Сергей Анатольевич.

– С работы, – ответили девушки.

– Куда направляетесь?

– На заработки.

Рая и Клавдия работали в краеведческом музее искусствоведами, а зарабатывали, танцуя стриптиз в ресторане «Африка».

На них ходили.

Их шоу пользовалось неизменным успехом.

Бывало, в чём мать родила повиснут девушки на шесте и вопрошают у зрителей с большим драматическим талантом:

– Отчего люди не летают как птицы?

и многие в зале порывались ответить им на этот вопрос, и волновался кабак, и владела публикой ажитация.

Лишь литератор Курицын феноменально спокойный сидел в уголке, не делал резких движений, пил в одиночку горькую, твердил, как заезженная пластинка:

– Мне не пишется, мне не пишется, мне не пишется.

Переглянутся тогда подружки, эротично раскачиваясь на пилонах:

– Обожаю Курицына, – сообщает Рая.

– Люблю его, – информирует Клавдия.

И соскакивают стриптизёрки с шеста, бегут в гримёрку и наряжаются в разного рода вещички. Будто королевны становятся девушки: неотразимо хороши. И подсаживаются они к литератору, и звонко смеются, и пьют с ним вино, и вскоре забывает Курицын, что ему не пишется, забывает, что он Курицын, забывает всё на свете, напроочь выветривается из него наносное: он младенчески чист, он беспомощно улыбается, он забавно агукает и струйка слюны появляется в уголке рта.

– Милый, любимый наш Курицын опять напился, – констатируют девушки факт, подхватывают под руки литератора и ведут домой: Рая к себе, на кровать в спальню; Клавдия к себе, в зал на диван.

А квартиру одну на двоих снимают подружки, парадиз у них поелику.

Про парадиз – Цветикова выражение, любит Алексей заковыристые обороты, направо и налево сорит фигурами речи, так и норовит щегольнуть словцом.

Цветиков поэт; поэт, какого ещё не было...

Громогласный трибун был, рыжеволосый задира, озорной хулиган и гуляка тоже. В бакенбардах и с ментиком замечены стихотворцы, и со всяким фасоном бород...

Но такого, как Лёша, – толстого и румяного – история ещё не знала.

Вот и он, кстати, идёт и бормочет себе под нос:

– Полярная, Полярная, Полярная...

(авторская реминисценция на строчки Иннокентия Анненского «Среди миров, в мерцании светил одной Звезды я повторяю имя...»)

– Привет, Лёха, – кричат ему Носов, Рая и Клавдия.

– Здравствуйте, здравствуйте, друзья, – радуется встрече Цветиков, и энергично жмёт руку писателю, и целует дам в любезно подставленные щёчки.

– Quo vadis, Алексей Дмитриевич? – интересуется у приятеля Носов, ненавязчиво демонстрируя ширь познаний и академическую образованность.

– На канал Грибоедова, – отвечает Цветиков, намекая при этом, что и сам он не лыком шит, латынью в тупик не поставишь. – Буду любоваться, как бурлят меж гранитов пенные воды, хочу набраться лирического настроения.

– Отличный план, – не мог не согласиться энциклопедист Носов. – Дело к вечеру, самое время набраться. Только откуда в канале бурление? Там затхлый запах и квакают жабы, не будь с нами дам, я выразился бы, куда решительнее.

– Это да, запашок ещё тот, – не стал возражать поэт. – Не будь с нами дам, я сказал бы, там скверно пахнет.

– Не будь с нами дам, я сказал бы, оттуда воняет. Но дамы на счастье с нами, нет нужды приноживаться к потокам сомнительного происхождения. Пошли лучше с девчонками в Африку, вот где бурление, вся пена города там.

– И правда, идёмте, ребята, с нами, – загорелась идеей Клавдия. – Ещё и Курицына позовём.

– Да-да, – подхватывает Рая. – Давайте звать Курицына.

И первая начинает:

– Ку-ри-цын!

И смеётся, да так заразительно, что тут же всех заражает, все хохочут и дружно зовут литератора:

– Ку-ри-цын!

На зов никто не является, но это не останавливает искусствоведов:

– Есть запасной вариант, – сообщает Клавдия.

– Да-да, – подтверждает Рая. – Не отчаивайтесь, товарищи. У нас имеются специальные устройства, можно разговаривать на расстоянии.

– Да ну? – не верят мужчины.

– Точно вам говорим, сейчас мы всё быстро уладим.

Порывшись в сумочках, дамы находят мобильные телефоны.

В списке контактов у девушек есть Пуся – начальник налоговой. И Дуся – инвестиционный банкир. Есть Зая, Кабан и Леший. И только Курицын записан как Женечка: любят искусствоведы Курицына, дня не могут прожить без литератора, обожают его.

Жмут кнопку в девайсе подружки, играет бравурная музыка, связи нет.

Нахмурился Сергей Анатольевич Носов, сделал озабоченное лицо:

– Я видел сегодня Курицына. По-моему он снова хочет писать роман.

– Тот самый? Биографический? – с округлившимися от ужаса глазами переспросил Цветиков.

– Да! – выдохнул Носов.

– О, боже! – только и смог вымолвить поэт, румянец сдуло с него, щёки стали мертвенно серыми, губы мелко дрожали.

Сжались сердца девушек в нехорошем предчувствии:

– Что? Что? Что случилось?

Полным безнадёги голосом Сергей Анатольевич стал рассказывать:

– Когда-то Евгений, будучи совсем ещё юнцом, взялся писать роман. Известное дело, для безусого юноши нет важнее в мире персоны, чем он сам. Вот и Женя... абзацами он строчил о себе, любимом. Всякая мелочь в ход идёт, любой вздор годится: услышит ли анекдот, произойдёт с ним история, познакомится с кем, – всё сюда, всё в текст. Неисчислимое множество друзей и приятелей в той или иной степени оказывались персонажами произведения. Мы вот, с Лёхой, попали...

– Ой, как интересно, – восклицают девушки.

И Клавдия мечтательно произносит:

– Я бы хотела стать героиней романа.

И Рая закатывает глаза:

– Я бы тоже не прочь залететь, – и тотчас же объяснилась. – В книжку имею в виду, музой.

Мрачно глянул на них Носов:

– Остерегайтесь, девушки, очутиться в романе Курицына, этот текст обладает неизъяснимой магической силой, странные вещи происходят вокруг него. Мужчины куда ни шло, видимо, иммунитет, но прекрасный пол – все поголовно: стоит появиться какой-нибудь красавице в повествовании, – всё! считай, что она обречена. И недели не пройдёт, исчезнет та, с которой писался образ, – вещь-то, напомню, биографическая, у каждого персонажа существует вполне реальный легко угадываемый прототип.

– Вернее, существовал, – поправил Цветиков.

– Вернее, существовал прототип, – поправился Носов. – Три десятка девиц. Теперь их нет никого, пропали.

– Как это? – опешили искусствоведы.

– Да вот так. Будто ластиком стёрли, ни следа. Впрочем, рассказ проигрывает без подробностей, начну заново.

Подробный рассказ Носова

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.